

"Я" И "ТЫ" В ГЕШТАЛЬТТЕРАПИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ НЕВРОТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ

М.П.ПАПУШ

Психотерапия – прежде всего практика. Психотерапевтическая школа «живет» (и в грубо-материальном смысле, и в смысле своего культурного и духовного влияния) прежде всего тем, что она может дать и дает своим клиентам.

Интеллектуальные представления психотерапевтической школы также, разумеется, имеют определенную ценность, но в несколько ином плане, чем интеллектуальные представления науки или философии. Если для последних они, так сказать, «суть дела», цель и продукт работы, то интеллектуальные представления, обращающиеся в психотерапевтической школе, имеют прежде всего внутренние функции. Их внешнее постижение – читателем или исследователем – невозможно без понимания и учета этих внутренних функций.

Очевидно, что значительную роль в интеллектуальном самоосмыслении психотерапевтической школы играют аксиологические представления: идеалы, ценности, установки и т.п. Иногда они выражены явно, иногда – через противопоставление неудовлетворительному – с точки зрения данной школы – положению дел. В ряде случаев выявление аксиологических представлений требует специальной методологической рефлексии, подчас – привлечения интеллектуальных средств, не входящих в собственный арсенал рассматриваемой школы.

В предлагаемой статье мы рассмотрим некоторые аксиологические представления гештальттерапии.

Разворачивая метафорическую природу выражения «круг аксиологических представлений», можно сказать, что «круг» этот в гештальттерапии растягивается до «эллипса». Сила, осуществляющая это растяжение, – напряжение между двумя далеко не во всем совпадающими ориентациями – *гуманистической и экзистенциалистской*. Можно

сказать, что именно творческое использование этого напряжения делает гештальттерапию тем, чем она и является – эффективной психотерапевтической практикой.

«Фокусами» названного эллипса являются, с одной стороны, идеал *целостности* человека, выражаемый метафорой «организма», а с другой – ценность *ответственности и готовности опираться на себя самого* (self-support).

Метафора целостного организма притягивает к себе такие ценностные представления, как *гибкость, жизненность, полнота, способность к росту* и др. С представлением об ответственности и готовности опираться на себя связана важная для гештальттерапии (как и для ряда других гуманистических школ) концепция "*манипуляции*". Впрочем, большая часть установок и представлений гештальттерапии в той или иной мере вращается вокруг обоих «фокусов» и в растяжке между ними получает свое специфически-гештальтистское содержание. В особенности это относится к таким представлениям, как *творческая установка, подлинность, контакт, свобода*.

На собственно психологическом уровне напряжение между гуманистической и экзистенциалистской ориентациями предстает как проблематичность самой сути межличностных отношений – отношений между «Я» и «Ты». Впустив в гештальттерапию троянского коня – буберовское «основное слово» «Я – Ты»¹, Перлз осознанно или неосознанно ставит под удар холистическое самодовольство целостного "Я". Но при этом неразделимое у М.Бубера «Я – Ты» неизбежно распадается на «Я» и *проблему «Ты»*, что находит свое конкретное выражение в перлзовской концепции невротических механизмов. Аксиологический анализ этой концепции и составит главное содержание статьи, однако его необходимо предварить краткой реконструкцией представлений Ф.Перлза о «Я» как целостном биопсихическом организме.

«Я»

Одной из центральных идей и ценностей гештальттерапии – как и большинства других гуманистических школ – является идея *холизма*. Психологически она интерпретируется как идеал целостности человеческого существа. Для выражения этой идеи Перлз, как правило, пользуется метафорой биологического организма.

Представление об организме Перлз развертывает в начальных разделах своих текстов² настолько эпически, что не сразу обнаруживается его метафоричность. Первоначальное описание часто напоминает общебиологический или научно-психологический подход; встречаются даже ссылки на Курта Гольдштейна, с которым Перлз в молодости

¹ См. Бубер М. Я и Ты. // Квинтэссенция. Философский альманах – 1991. – М., 1992.

² Мы будем обращаться в основном к двум книгам Ф.Перлза: 1) «Гештальттерапия – дословно» – *F.Perls, Gestalt Therapy Verbatim*. Moab, 1969 (далее – ГТД); 2) «Гештальт-подход» – *F.Perls. Gestalt Approach*. Palo Alto, 1973 (далее – ГП).

работал. Вот типичное для Перлза представление, в центре которого находится человек как организм:

«Человек, способный жить в заинтересованном контакте со своим обществом, не будучи проглочен им и не отчуждаясь от него полностью, – это хорошо интегрированный человек. Он опирается на себя самого, поскольку понимает отношения между собой и обществом, как часть тела инстинктивно понимает свое отношение к телу – как целому. Это человек, который чувствует контактную границу между собой и обществом, который воздаст кесарю кесарево и оставляет себе то, что принадлежит ему. Цель психотерапии – создать такого человека. Идеал демократии – создать общество, обладающее подобными характеристиками, в котором каждый участвует на благо всех. Такое общество находится в заинтересованном контакте со своими членами. В таком обществе граница между индивидом и группой ясно прочерчена и определенно чувствуется. Индивид не ставится на службу группе, так же как группа не отдается на милость отдельного индивида. Таким обществом правит принцип гомеостаза, саморегуляции. Как тело прежде всего реагирует на доминирующие нужды, так и общество реагирует прежде всего на свои доминирующие нужды...» (ГП, с.26).

В этом небольшом отрывке сконцентрировано много представлений, к которым мы будем обращаться в дальнейшем. Три уровня иерархии в описанной картине – части тела, тело-как-целое (оно же – «хорошо интегрированный человек») и группа или общество неравноправны. Части тела, если и имеют свои потребности, то удовлетворяют их лишь через деятельность тела-как-целого. Верхний уровень – общество или группа – хотя и наделяется определенной самостоятельностью, но также лишь в связи с индивидом. Рассмотрим, как же функционирует этот «интегрированный человек» или «организм-как-целое».

Организм функционирует в среде, удовлетворяя свои потребности. Потребности представлены для самого организма внутренне как *возбуждение* (своеобразный аналог фрейдовского «либидо» или райховского «оргона»), дифференцирующееся далее в эмоции и энергию действия, а внешне – как *контактная граница*, на которой среда представлена как *поле*. Фрагменты поля благодаря интенциональной силе возбуждения наделяются *катексисом*, отрицательным или положительным (Перлз заимствует это понятие у Фрейда).

Организм связан со своей средой циклически: «ритм самой жизни» (как выражается Перлз) состоит в чередовании *контакта* и *ухода*. Подробнее, цикл взаимодействия организма со средой может быть описан следующим образом: 1) образование контактной границы или *гештальта*, с его конфигурацией катексисов, создаваемой самой насущной из потребностей (в норме – одной в каждый данный момент); 2) действие в соответствии с возможностями удовлетворения потребности в данном поле; 3) ассимиляция результатов действия – завершение гештальта и уход из поля, после чего динамика развертывания

новой потребности открывает следующий гештальт, и весь цикл повторяется заново.

Хорошо понимая, что человек не сводится к биологическому организму, Перлз предпринимает ряд попыток такого расширения понятия организма, чтобы в него могли быть включены специфически человеческие проявления. Так, например, он трактует мышление как действие на «более низком энергетическом уровне» – в принципе столь же целостное, «органическое», как и физическое действие в реальной среде, – предполагая таким образом снять дихотомию тела и души, физического и психического. Многие примеры, которые он приводит, представляют собой просто перенесение физиологических потребностей на уровень психического «интереса» (например, неоднократно встречающиеся рассуждения о жажде как сознании нехватки воды в организме).

Нет необходимости критиковать теоретическую наивность подобного расширения понятия. Однако задача, ради которой Перлз предпринимает эту попытку, вполне осмысленна – это задача гомогенизации различных аспектов и уровней человеческого бытия в рамках единой, холистической картины. Она может быть решена, если описание организма и все связанные с ним понятия трактовать как *метафору*. Эта метафора позволяет достаточно полно и подробно характеризовать идею и идеал холистического представления человека. Механизм образования гештальта – возникновение в психике специфической, соответствующей данной текущей потребности картины «контактной границы» – как раз и является «гомогенизатором», перемешивающим сенсорные модальности, образные и понятийные представления, восприятия, эмоции и прочее³. Здоровая психика способна увязать в единой иерархически организованной картине стремления угодить боссу, порадовать жену, получить удовольствие с любовницей и отдохнуть наконец от всех, оставшись в одиночестве. При этом в каждый данный момент в едином гештальте причудливо сплетаются тело и душа, социальные ценности и органические потребности, обязанности и желания и все прочие аспекты человеческого существования.

Среди ценностей, связанных с метафорой организма, важное место занимает «жизненность» (aliveness): «Современный человек живет на низком уровне жизненности. Хотя в общем он не слишком глубоко страдает, но при этом он столь же мало знает об истинно творческой жизни. Он превратился в тревожащийся автомат. Его мир предлагает ему много возможностей для более богатой и счастливой жизни, он же бесцельно бродит, плохо понимая, чего он хочет, и еще хуже – как этого достичь. Он не чувствует возбуждения и пыла, отправляясь в приключение жизни. Он, по-видимому, полагает, что время веселья, удовольствия и роста – это детство и юность, и он готов отвергнуть саму

³ Описанию и тренировке различных сторон этого механизма уделяется значительное внимание в практике гештальттерапии.

жизнь, достигнув зрелости. Он совершает массу движений, но выражение его лица выдает отсутствие какого-либо реального интереса к тому, что он делает. Он либо скучает, сохраняя каменное лицо, либо раздражается. Он хорошо рассказывает о своих трудностях, но плохо с ними справляется. Его деятельность – выполнение скучных и утомительных обязанностей. Временами он даже не сознает того, что делает...» (ГП, с.11).

Таким образом, жизненность противопоставляется как омертвелости, автоматичности, так и тревожности и раздражительности. «Мера» жизненности – это мера естественности протекания возбуждения, не сдерживаемого невротическим самопрерыванием. Жизненность является условием как осуществления текущего цикла взаимодействия организма со средой (в качестве доступного использованию возбуждения), так и происходящего посредством таких циклов органического роста. В частности, это условие преодоления расколотого, невротического состояния личности.

Чем же вызывается это вялое, нецелостное, невротическое существование? Сама возможность его определяется особым свойством человека, отличающим его от всей остальной природы – его способностью «не быть собой». «...Мы приходим к основному конфликту, и вот в чем он состоит. Каждый индивид, каждое растение, каждое животное имеют лишь одну врожденную цель – актуализацию себя как такового. Роза, которая есть роза, есть роза. Роза не намерена актуализировать себя как кенгуру. Слон не намеревается актуализировать себя в качестве птички. В природе – *если только не говорить о человеке* – конституция, здоровье, потенциальный рост – все это едино и тождественно тому, чтобы *быть чем-то определенным*. То же относится и к мульти-организму, обществу, состоящему из многих людей... Если общество приходит в столкновение со вселенной, если оно преступает законы природы, оно теряет свою ценность для выживания. Как только мы оставляем природную основу – вселенную с ее законами – и превращаемся в артефакты, как индивиды или как общество, мы теряем свой *raison d'etre*. Мы теряем возможность существования» (ГТД, с.33-34).

Было бы слишком плоским трактовать вышеприведенный пассаж как вариацию руссоистских призывов «назад к природе». Проблематичность отношений с законами «первой» природы как раз и делает человека человеком. Скорее, можно говорить о том, что Перлз (как и многие другие мыслители XX века) ищет пути «вперед к природе» – к такому становлению (или вос-становлению) подлинной человечности, которая возрождает единство человека с природой – но на новом, более богатом уровне развития самой Природы, обогащенной человечностью человека.

Что же отклоняет человека от простого следования «законам вселенной», что заставляет его сомневаться в том, что роза есть роза? Что осложняет его существование как «организма-в-среде» и вынуждает обращаться к психотерапевту в поисках интеграции – утраченного рая? Специфическая форма, в которой представлена эта проблематика в

гештальттерапии, ее центральный нерв (можно даже сказать, ее тайна) – это проблема ДРУГОГО: другого человека в той же среде, где «я занят своим делом».

«Я» и «ТЫ»

Влияние экзистенциализма на формирование гештальттерапии, как правило, связывают прежде всего с воздействием Мартина Бубера. В экзистенциалистской проблематике гештальттерапию интересуют не столько идеи «заброшенности» и одиночества человека в мире, сколько более «практический» межличностный аспект. С этим связан акцент на личной ответственности, критика манипулятивного подхода к человеку, идеология и техника специфической гештальттерапевтической коммуникации, сочетающей поддержку и фрустрацию пациента терапевтом.

Однако заимствованная у принципиально-индивидуалистической психологии (в этом ранняя гештальтпсихология совпадала с фрейдизмом) картина «организм-в-среде» не имеет средств для отображения уникальности отношения «Я и ТЫ». Механизм гештальт-образования, как он представлен Перлзом, полностью вписывается в картину «Я и ОНО»: другие люди появляются на «контактной границе» в роли носителей катексисов наряду с вещными фрагментами среды⁴. Бубер также описывает постоянное перетекание состояния «Я и ТЫ» в состояние «Я и ОНО»; но проблема для перлзовского описания состоит в невозможности отобразить обратный переход.

В определенном смысле теоретические построения (равно как и практику!) гештальттерапии можно трактовать как решение именно этой проблемы: движение Перлза от «Я и ОНО» к «Я и ТЫ» – от Фрейда к Буберу. В этом движении концепция «невротических механизмов» занимает центральное место.

Дело в том, что схема гештальт-образования (и всего цикла психической деятельности) не содержит возможности «невротических механизмов»: контактная граница остается контактной границей, какое бы содержание ни было на ней представлено, как роза – просто розой, без всякого пафоса по этому поводу. Организм может совершать ошибки как в восприятиях, так и в действиях, но его *гибкость* (еще одна важная ценность холистического подхода) позволяет ему исправлять эти ошибки и продолжать поиск возможности удовлетворять свои потребности. Перлз неоднократно отмечает, что невроз и невротические механизмы определяются *само-прерыванием*. Суть этого нарушения, как мы увидим, является специфической *превращенной формой* обнаружения в среде ДРУГОГО как «ТЫ», несводимого к «ОНО». При этом «Я» боится заметить то, чего не может не заметить.

Но рассмотрим подробнее сами «невротические механизмы».

⁴ В терминологии Фрейда это выражено вполне откровенно; например, Фрейд прямо говорит об "объекте" любви и т.п.

1. **Интроекция** описывается Перлзом посредством яркой образной аналогии с проглатыванием непрожеванной пищи. Нарушен, прерван здесь прежде всего второй этап цикла – деструктивная деятельность организма с фрагментом среды, которая сделала бы его пригодным для дальнейшей ассимиляции («жевание»). Но это нарушение переходит и на первый этап, собственно гештальт-образование: воспринимая «чужое», организм «делает вид», что это «чужое» есть «свое». На третьем этапе восприятие также искажается: «застывшая комом» пища выдается за ассимилированную, ставшую тканью самого организма (например, повторяемое «с чужого голоса» мнение выдается за свое).

Здесь нужно отметить важный для всего дальнейшего анализа методологический момент. Утверждая вслед за Перлзом, что интроекция – не случайный сбой в функционировании организма, а специфический и регулярно действующий «механизм», мы должны предположить, что его существование определяется специфическим *катексисом*, вызванным особым *«интересом»*, особой *потребностью* человека. Это предположение, очевидно, выводит нас за рамки простой схемы гештальт-образования, заставляя реконструировать этот «особый интерес» в его специфике. Забегая вперед, скажем, что такая реконструкция (общая для всех «невротических механизмов») как раз и распредмечивает превращенную форму гештальттерапевтического мифа.

Итак, описание механизма интроекции оставляет нас с вопросом: какой специфический «интерес» заставляет человека давиться непрожеванным куском, выдавать чужое за свое, сохраняя на лице выражение «каменного спокойствия»? Отметим, что чисто эмпирически, в примерах, которые приводит Перлз, этот «интерес» определяется отношениями человека с «авторитетами» – родителями, идеологическими лидерами и пр.

2. Термином **«ретрофлексия»** Перлз обозначает два связанных, но существенно разных психических механизма. Первый описывается как разделение организма на «подавляемый» и «подавляющий» импульсы в ситуации внешнего конфликта. Перлз подчеркивает, что само по себе такое разделение не невротично; оно может быть вполне уместным и характеризует определенный уровень самоуправления организма. Например, человек, начав переходить улицу, замечает неожиданно появившуюся из-за угла машину: какая-то часть его мышц по инерции еще продолжает движение, но другая часть мышц успевает перестроиться и удерживает его тело на тротуаре. Более сложная ситуация – обычное положение ребенка, который приучается сдерживать импульсы, не поощряемые взрослыми; эта классическая ситуация может вести к неврозу, хотя можно все же надеяться, что не каждый ребенок, овладевающий нормами туалета, становится невротиком.

Внешними критериями «нормальности» такого контроля являются его гибкость и произвольность, противопоставляемые ригидности и автоматичности, создаваемым вытеснением борющихся сил из сознания

человека. Телесно-мышечный уровень этой проблематики – основное содержание различных «телесно-ориентированных» школ и направлений психотерапии начиная с райхианской. Перлз трактует райховский «мышечный панцирь» как уход «мышечных клинчей» из сознания и, как следствие этого – из-под произвольного контроля. В качестве основного метода работы с ними он предлагает (как и во множестве других случаев) тщательное и последовательное *сознание* (awareness). Причины такого рода ригидности могут быть различными, в том числе и физиологическими, но нас здесь интересует прежде всего тот класс случаев, когда такая ретрофлексия (на мышечном уровне, как и на любом другом) имеет свою особую функцию, свой особый «интерес» для организма; строго говоря, только в этом случае она относится к «невротическим механизмам».

Другое представление, опирающееся на предыдущее, но существенно от него отличающееся, определяет ретрофлексию как направленность на себя действий (а также эмоций, установок и пр.), которые человек хотел бы направить на других или которые он хотел бы получить от других. Примером действия может служить «биение себя в грудь», примером эмоции – жалость к себе, примером установки – самообвинение или самовосхваление.

Это представление предполагает возможность разделения объекта действия и самого действия (то же – для эмоции, установки и пр.), даже более того – указывает на существование такого разделения. Отчасти оно допускает перлзовским различием «цели» и «средств для», но здесь их отношение оборачивается: средство становится самоцелью и ретрофлексивное действие состоит в применении этого средства «не к тому объекту». Это, конечно же, крайне странная ситуация для «нормального организма», поэтому она требует для своего объяснения опять-таки нахождения специального «интереса», который организм удовлетворяет таким образом – в ущерб удовлетворению своей текущей потребности и в ущерб своему естественному росту.

Оба этих механизма, как подчеркивает Перлз, указывают на расщепление внутри самого человека: он разделяется на контролирующую и контролируемую части, на действующую и подвергающуюся действию и т.п. Кроме того, происходит расщепление в поле организма на «мое» (например, «мое тело») и «не мое».

На одном из уровней ретрофлексия связана с проблематикой так называемого «образа себя». Нормально образ себя появляется при совместной деятельности и в других ситуациях, когда необходимо учитывать, как участники воспринимают друг друга. В зависимости от цели действия «образ себя глазами других» может приобретать тот или иной «вес» и тот или иной катексис: если я хочу завоевать расположение дамы, то значение «образа меня в глазах этой дамы» очень велико; если же я сквозь толпу убегаю от опасного преследователя, то более чем

вероятно, что я не буду обращать никакого внимания на недоумение окружающих.

Ориентация на «образ себя» становится невротической, когда превращается из «средства для» в «цель», то есть когда происходит, как говорил Перлз, актуализация образа себя вместо актуализации себя. Это приближает нас к разгадке того особого «интереса», который стоит за невротическими механизмами, указывая на особый статус, который придается этими механизмами ДРУГОМУ, от имени которого формируется и превращается в цель «образ себя».

3. Еще ближе к тайне этого «интереса» находится механизм **слияния**. По описанию, это отсутствие границы между «я» и «другими», неразличение «я» и «мы». Конечно же, в буквальном смысле такое отсутствие границы для живого организма невозможно, так что более точно речь должна идти об *отождествлении* себя с другими.

Перлз описывает ситуации, когда такое отождествление нормально и продуктивно – например, ритуал. В другом примере отождествление зрителя с героем кинофильма хотя и не создает полноценного художественного восприятия, но не является и патологическим в психологическом смысле.

Чреватая неврозом ситуация возникает при конфликте «личных» потребностей человека с предполагаемой потребностью коллектива или другого человека. «В «нормальном» случае человек оказывается способным установить иерархию этих потребностей, обеспечивающую функционирование как его самого, так и коллектива, от которого исходят требования (если они *реально* исходят от коллектива). В случае же невротического слияния установление такой иерархии оказывается невозможным.

Если человек отождествляет себя с другим человеком или коллективом, то он лишен возможности обнаружить источник навязанной ему извне потребности и выработать к ней соответствующее отношение. Он сам оказывается «как бы» источником этой потребности; вынесение ее вовне себя и рассмотрение как определенного фрагмента его поля разрушило бы само слияние, на котором он по причинам определенного «интереса» настаивает. Конфликт неразрешим, потому что конфликтующие потребности несопоставимы: одна принадлежит самому организму, другая должна считаться таковой, но не представлена в организме реально, поэтому невозможно нормальное действие естественного механизма иерархизации потребностей.

Межличностная природа «интереса», составляющая пружину действия механизма слияния, вполне очевидна. Слияние – это как бы замечание другого как другого, но нежелание (или страх) признать его отдельность от себя.

4. Механизм **проекции** является дальнейшим усложнением этой картины. По внешнему результату проекция – это приписывание другим

того, что человек отказывается признавать в себе (свойства характера, желания, установки и пр.). Механизм проекции сложен и приблизительно может быть описан в следующей последовательности: (1) предполагается (но не сознается) тождество себя и другого, из чего следует, что (2) другой обладает теми же свойствами, что и сам проецирующий; (3) отрицая в себе определенное содержание (например, желание), проецирующий не распространяет это отрицание на другого, разрушая таким странным – превратным, превращенным – образом слияние: «другой» теперь отличается от проецирующего как раз наличием нежелательного содержания. В более широком смысле проекцией можно считать распространение на другого человека посредством вышеописанного механизма не только личностного содержания проецирующего, но и важных для него межличностных отношений: феномен «перенесения», известный в психоанализе, относится как раз к такого рода проекции.

Чтобы очертить аспект механизма проекции, наиболее важный для нашего рассмотрения, необходимо воспользоваться лефевровским аппаратом описания рефлексивных игр⁵, переосмысленным для наших целей. Среду организма, еще не представленную для него как гештальт или поле, можно считать *нулевым рангом* описания (можно предположить, что организм обладает на определенном когнитивном уровне таким представлением о среде, которое еще не определено его текущей потребностью). Нормально сложившаяся контактная граница, в которой фрагменты среды наделены катексисом, соответствующим текущей потребности организма, определяет *первый рефлексивный ранг*; этим выражается представленность (напомним, что именно таково этимологическое значение термина «гештальт») поля организму.

Межличностная природа тех или иных фрагментов поля выражается в этом языке наличием у них *более-чем-первого рефлексивного ранга*: фрагмент среды, воспринимаемый не самим организмом, а с «чужих слов» – это представитель второго ранга и т.д.

Необходимо тщательно отличать ранговые характеристики фрагментов поля от предметных. Например, когда клиент наделяет терапевта определенным катексисом как «помощника в разрешении экзистенциального кризиса» – это вполне предметное (даже «вещное») гештальт-образование первого ранга: терапевт является для клиента фрагментом его поля, в котором связаны ожидания относительно удовлетворения определенной потребности. Элементы психоаналитического перенесения, возникающие в ситуации, когда клиент проецирует на терапевта, например, свои отношения с отцом – это переход в более высокий ранг, но не потому, что в этом случае отношение клиента к терапевту становится менее «предметным» и более «личным» (иллюзия, которую часто питает клиент и которую иногда готов разделить с ним терапевт), а потому что меняется сам характер гештальт-

⁵ Имеются в виду до-американские работы В.А.Лефевра. См., например, «Конфликтующие структуры». М., 1967.

образования: клиент теперь видит в терапевте не фрагмент своей среды «здесь-и-теперь», а фрагмент среды, окрашенной его отношениями с отцом, которые в данный момент доминируют в его сознании.

Таким образом, мы убедились, что специфический «интерес», определяющий своеобразие формирования гештальта при участии невротических механизмов, лежит в области межличностных отношений. В чем же он состоит?

Заметим, что само наличие в поле других людей, равно как и учет их присутствия в виде придания фрагментам поля рангов, более высоких, чем первый, необходимо, но не достаточно для развертывания невротических механизмов. Ссылка на ригидность и неосознанность также не решает проблемы: ригидность, если она не является следствием чисто физиологических причин, должна иметь свои содержательные основания; сознанию также должно предстать некое специфическое содержание (как гвоздь, вынудив который из стены, можно «обрушить» всю сложную невротическую картину мира клиента).

Мы позволим себе здесь высказать гипотезу, ответственность за которую (в перлзовском смысле слова) целиком готовы взять на себя. В «невротических механизмах» присутствие ДРУГОГО схватывается особым образом: оно незримо определяет специфическое (для каждого «механизма» свое, но единое по сути) *искажение, фальсификацию* поля или контактной границы индивида. Невротик не *признает* прямо, что ДРУГОЙ присутствует в поле – для этого он должен был бы предоставить ему место в общей конфигурации поля. Невротик не *обращается* к ДРУГОМУ явным образом – такое обращение требовало бы помещения ДРУГОГО в поле как одну из его значимых фигур. В невротических механизмах фальсификация поля является косвенным обращением к ДРУГОМУ, своеобразным «*необращающимся обретением*». Искажение поля является *признанием* ДРУГОГО, но вместе с тем это такое признание, которое отводит ДРУГОМУ «*подвластное*» место *внутри себя*.

ДРУГОЙ в реальном мире отличается от предметного содержания поля тем, что он СВОБОДЕН – так же свободен, как и сам «хозяин» поля, который при наличии в своем поле ДРУГОГО тем самым и перестает быть его, поля, «хозяином». Человеку остается либо принять СВОБОДУ ДРУГОГО как экзистенциальный факт, либо избегать признания этого факта и быть невротиком, живущим в принципиально искаженной реальности.

Форма этого искажения, которая лежит, по нашей гипотезе, за перлзовскими невротическими механизмами, есть *магическая* (в том смысле, в каком Перлз употребляет это слово) *фальсификация поля*: искажение поля есть фальсификация признания ДРУГОГО. Это косвенное вызывание «псевдо-другого» к жизни в себе, но такой «жизни», которая подвластна фальсификатору.

Интроект, например, может быть «паролем»: человеку необходимо чувствовать свою принадлежность к определенному «кругу людей», и он обеспечивает себе – в себе! – иллюзию этой принадлежности, твердя символ веры, который он приписывает этому кругу. Проекция, как наделение фрагмента поля дополнительным катексисом, – также средство псевдопризнания другого (чаще всего не того, кто выступает в качестве «экрана» для проекции), которому якобы принадлежит это дополнительное содержание. Актуализация образа себя вместо себя – форма обращения к псевдо-другому, призванная вызвать его удовлетворение (или в случае эпатирования – неудовлетворение) и т.д.

С этой точки зрения становится понятным совершенно буквальный смысл игры слов, с помощью которой Перлз объясняет свою концепцию ответственности: ответственность – это способность отвечать (responsibility – response ability). Ответственность – это принятие нефальсифицированного поля, в котором находится вызывающий фундаментальный экзистенциальный страх СВОБОДНЫЙ ДРУГОЙ.

Таким образом, Перлз решает задачу, которую ставит перед ним буберовский идеал «Я и ТЫ» – задачу корректирования ведущего к потере смысла и предельному пессимизму гипостазирования «организма-в-среде», – но решает ее чисто отрицательным образом: аксиология гештальттерапии не содержит никаких ценностных характеристик ДРУГОГО, но ее практика возвращает человеку **свободу ответственного обращения к свободному другому:**

«Я есть Я, а ТЫ есть ТЫ.
Я занят своим делом, а ТЫ – своим.
Я в этом мире не для того, чтобы
соответствовать твоим ожиданиям,
и ты – не для того, чтобы соответствовать моим.
Если мы встретимся – это прекрасно.
Если нет – этому нечем помочь.»